

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Удмуртской Республики
Министерство образования и науки Удмуртской Республики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

**СТОЛЕТИЕ
УДМУРТИИ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
«100-ЛЕТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
УДМУРТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»**

«УДМУРТИЛЭН КУНЛЫКЕЗЛЫ 100 АР: ИНЪЕТ
ВАКЫГЪЭСЫЗ НО АЗИНСКОН ЛУОНЛЫКЪЭСЫЗ»
НИМО КАЛЫККУСПО ТОДОСЛЫКО ФОРУМ

**Сборник материалов Форума
Том 1**

**ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»**

Ижевск

2020

УДК 342(470.51)(091)(063)
ББК 63.3(2Рос.Удм)я43
М433

Составители:

Г. В. Мерзлякова, А. М. Макаров, А. С. Орлов.

Международный научно-практический форум «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития»: сборник материалов Форума. Т. 1. (Ижевск, 6–30 октября 2020 г.). / сост. Г. В. Мерзлякова, А. М. Макаров, А. С. Орлов. — Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. — 240 с.

В сборнике представлены материалы, подготовленные авторами, принявшими участие в Международном научно-практическом форуме «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития». В рамках проведения форума состоялось обсуждение итогов и перспектив развития Удмуртской Республики в различных областях: образовании, науке, культуре, конституционно-правовом и государственном становлении, экономике, промышленности и спорте; освещение исторических этапов развития Удмуртии и научных достижений.

Пленарное заседание Форума состоялось 6 октября 2020 г. в учебно-научной библиотеке им. В. А. Журавлева ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». В пленарном заседании приняли участие руководители вузов Удмуртской Республики, представители органов государственной власти и местного самоуправления, научно-педагогического сообщества Удмуртии, других регионов России и зарубежных стран, сотрудники предприятий и организаций. С 6 по 30 октября 2020 г. в рамках форума на площадке Удмуртского государственного университета прошло более 15 мероприятий в очном и дистанционном форматах.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, представителей органов государственной власти и местного самоуправления, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся вопросами государственности и развития Удмуртской Республики.

ISBN 978-5-4312-0849-2

ISBN 978-5-4312-0851-5 (Т. 1)

© Г. В. Мерзлякова, А. М. Макаров,
А. С. Орлов (сост.), 2020

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Мерзлякова Г. В. Вместе с Республикой: роль классического университета в социально-экономическом развитии региона	5
Загребин А. Е., Луцина Т. Ю. Наука и научные исследования в Удмуртии: идеи, институты, документы	12

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО

Шумилов Е. Ф. Историко-правовые аспекты определения территории и формы национальной государственности удмуртского народа (1917–1937)	20
Мокшина М. А. Основные этапы конституционно-правового строительства в Удмуртии (1920–2020)	28
Шепталин А. А. Эволюция правового статуса удмуртского этноса в составе Российского государства	40
Кудрявцев А. Ф. Государственность Удмуртии в контексте исторической экономической географии	48
Бехтерев С. Л. От государственности удмуртского народа к государственности народа Удмуртии: теория и практика	56
Ившин В. Г., Татьяна Л. Г. Становление народных судов в УАССР	65

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Тулуз Э. Удмурт кунлыклы — 100 ар: йӧскалык музейлэн кылдэмез	72
Кондратьева Н. В. Развитие российского финно-угроведения в парадигме современной гуманитарной науки	79
Ефремов Д. А. Чеберлыко литератураез удмуртысь зуче берыктон дыръя кутйськись кылрадъян воштыськонъёс	85
Зорина А. А., Лукина С. Г. Научная и творческая интеллигенция Удмуртии в контексте изучения этнических элит	93
Анисимов Н. В., Глухова Г. А. Символика ритуальных действий в современной поминальной обрядности удмуртов	102
Зайцева Т. И., Максимова О. М. «Окопная правда» в современной удмуртской публицистике (на материале военных очерков Г. Грязева)	117

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Макаров А. М. Приоритеты социально-экономического развития Удмуртии и требования к системе высшего образования в контексте реализации национальных проектов	125
Любимов А. И., Коконев С. И., Воробьёва С. Л., Уваров С. Н. Роль аграрного образования в развитии сельского хозяйства Удмуртии	130
Тераз В. А., Горбова А. А. Рынок труда Удмуртской Республики: актуальные вопросы трудоустройства и занятости молодежи	141
Чазова И. Ю. Влияние территориальных преобразований в муниципальном секторе на социально-экономическое развитие Удмуртской Республики	151
Дружакина О. П., Бухарина И. Л., Ковальчук А. Г. Перспективы развития отрасли по переработке отходов в Удмуртской Республике....	163
Метлушин С. В., Метлушина Д. Ф. Применение информационных технологий при подготовке специалистов по охране труда	172
Сергеенкова И. Ф. Воткинский завод — опора России	180
Васюра С. А., Баранов А. А. Из истории психологического образования и научных исследований по психологии в Удмуртском государственном университете	193
Савельева М. Г. и др. Роль акме-личности в становлении высшего образования в Удмуртской Республике	198
Бармина Н. Н. История Великой Отечественной войны в современном политическом дискурсе	214
Митриченко Р. Х. Физическое воспитание в УдГУ: исторические аспекты развития	221
Шумихина И. И. Развитие адаптивной физической культуры в Удмуртской Республике	225
Князев А. П., Алабужев С. А. Условия, влияющие на ранний уход из спорта спортсменов в Удмуртской Республике	230
Колесова С. Б., Миронычев В. Г. Высшее нефтяное образование в Удмуртской Республик	235

А. А. Шепталин,

доцент, кандидат исторических наук,
доцент Удмуртского государственного университета,
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1
E-mail: sheptalin@list.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА УДМУРТСКОГО ЭТНОСА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Пример удмуртского этноса демонстрирует, как порой существенно различался правовой статус инородцев *de jure* и *de facto*, когда целый народ мог на длительный период выпасть из общего правового пространства страны. В статье анализируется правовой статус удмуртов в составе Российского государства, который в XVI в – начале XX в. претерпевал изменения и колебался в широком диапазоне. Обретение удмуртским народом своей государственности не просто закрепило правовое равенство с другими народами России, но и создало условия для полноценного нацистроительства во всех его конституционно-правовых, социально-экономических и этнокультурных аспектах.

Ключевые слова: удмурты в Российском государстве, правовой статус удмуртов, правовое пространство удмуртов, обычное право удмуртов.

Для объективного оценивания основных итогов 100-летия государственности Удмуртии необходимо дополнительно обратиться к целому ряду исходно-базовых сюжетов, в том числе к историко-правовой ретроспективе эволюции правового статуса государствообразующего этноса Удмуртской Республики — удмуртов. Логично начать этот краткий обзор с вхождения удмуртов в состав Российского государства, которое было существенно растянуто и во времени, и в пространстве.

Как известно, на закате эпохи Средневековья удмурты не были единым народом ни в этнокультурном, ни в этнополитическом отношении. Северные удмурты были присоединены к Московскому государству после покорения Вятской земли еще в 1489 году. Правда, они при этом почти на столетие попали под юрисдикцию и гнет каринских татарских князей, коим по реке Чепце за службу были дарованы вотчины.

В период наиболее острого московско-казанского противостояния часть крупной юго-западной группы удмуртов, жившей на территории Казанского ханства, судя по документам, старалась уйти от войн и разорений на Вятку и восточнее, но поскольку «вятчаня де их бьют и грабят, и обиды чинят им многое», то Ивану IV в жалованной грамоте каринским

князьям пришлось предостеречь от совершения подобных действий: «и которые вятчане вотяков и чуваш пришлых новых и старых бити и грабити или какие обиды чинить без суда и без истца, и тем вятчаном от меня быти в опале и в продаже» [5, с. 48].

Из жалованных грамот середины XVI в. мы видим, что удмурты в прямом смысле находились в «ведении» арских и каринских князей и мурз, которым государь предписывал, чтобы «...тех вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили. А тех вотяков велел ведать и доход с них имать по старине, как они ими владели наперёд сего...» [5, с. 52].

Активный уход удмуртского населения с Вятки на восток косвенно свидетельствует о вынужденности подобных действий и многочисленных притеснениях, в том числе фискального характера. Яркое выраженное различие политико-правового статуса удмуртов в сравнении с русскими и татарами прежде всего было обусловлено религиозным фактором. Об этом говорят и факты целенаправленного перехода удмуртов в православие. Так, в 1556 г. группа из семнадцати семей удмуртов Сырьянской волости, пожелавших креститься, обратилась к Ивану IV с челобитной, чтобы льготы «...велети им дати от своих царских и великого князя служеб и от всяких податей, и приказать бы их беречь от всяких обид вятчаном Слободского городка...» [5, с. 58].

О размерах непосильного тягла можно судить по ответной, датированной февралем 1557 г., жалованной грамоте, в которой царь предоставил челобитчикам обширные льготы на три года: «И те три годы ненадобе им моя царева и великого князя дань, ни ямские ни пищальные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, и ни иные некоторые подати не дают никому ничего; ни с городскими людьми Слободского городка, ни с волостными Сырьянские волости людьми, в те три годы, не тянут ни в которые проторы, ни в розметы, ни в волостели, ни ямского двора не ставят, ни подвод не дают никому, oprичь ратных людей; и наместницы наши Вятские, и Слободские волостели, и их тиуны, не судят их ни в чем, oprичь душегубства и татбы и разбоя с поличным, и не всылают к ним ни по что, а праведчики и доводчики поборов своих на них не берут и не выезжают к ним ни по что...» [5, с. 59].

Дисперсно проживавшие среди русского населения северные удмурты со временем всё чаще стали переходить в православие, поскольку социальный, в том числе правовой, статус удмуртов-новокрещенов был по ряду параметров выше, чем у удмуртов-язычников.

Что касается основной массы каринских и чепецких удмуртов, то они лишь в 1588 г. были освобождены от власти каринских князей и мурз в судебном и податном отношении. По жалованной грамоте царя Фёдора Иоанновича «каринским и верхнечепецким отякам» полагалось «...за все про все оброку давати в казну... по 500 рублёв на год; и по сквозным по прежним грамотам во всех делах, опричь разбоя и татьбы с поличным каринских и верхнечепецких отяков никому ни в чем судить не велено, а кому будет до них какое дело, и их к ответу ставить на Москве однава в год на срок на Сретеньев день» [5, с. 60]. Примечательно, что на севере бывшие землевладельцы были отнесены наряду с удмуртами к разряду черносошного крестьянства, которое несло тягло в пользу не помещиков, а государства.

Также и среди южных удмуртов в жалованной грамоте царя Фёдора Иоанновича арским князьям предписывалось «к вотякам не въезжать и людей своих ни по что не посылать и продажи никаких на них не чинить, и ни в чем до вотяков дела нет» [4, с. 63].

Очевидно, обретение статуса российских подданных, имея, конечно же, свои плюсы, было довольно обременительным. Несмотря на введение принципа экстерриториальности в отношении удмуртов и бесермян при уплате податей, обычной практикой стали многочисленные финансовые злоупотребления вятской и казанской администраций, рассматривавших нерусское население «как объект беззастенчивого вымогательства и грабежа» [4, с. 68–69].

В «бунташный» XVII в. правительство неоднократно увеличивало тягло, вводило новые повинности и сборы. Как следствие, удмурты неоднократно присоединялись к различным восстаниям, в том числе к шотостям башкирским, вследствие чего их отношения с русским государством существенно накалились. Каждое выступление вело к новым притеснениям, которые в свою очередь вели к очередным восстаниям. Дошло до того, что в 1697 г. царь Петр I «наказывал» казанскому воеводе князю Львову, чтобы «...кузнечнаго б и серебрянаго дела у чуваша и черемиса не делали, и кузнечныя и серебряныя снасти ни у кого б в чувашн и черемисе, и в вотяках не было... А покупали б черемиса, чуваша и вотяки топоры, и косы и серпы и ножи в Казани у всяких людей в торгу, ... а смотреть и беречь накрепко, чтоб чуваша и черемиса, и вотяки лишнего не покупали и торговые люди никто им не продавали» [5, с. 119].

Именно при Петре I достигли апогея русско-удмуртские противоречия, когда за короткий срок удмурты трижды присоединялись к крупным

башкирским восстаниям, перекидывавшимся на правобережье Камы и довольно жестоко подавленным. Причин, по которым удмурты регулярно поднимались на борьбу, было несколько, но особую роль играла политика насильственной христианизации.

В последний раз удмурты взяли за оружие во время Пугачёвского восстания 1773–1775 годов. Здесь надо отметить, что удмурты в источниках XVII–XVIII вв. выступают как народ достаточно энергичный, использовавший разные методы защиты своих прав, в том числе и многочисленные челобитные к государю. В дальнейшем картина кардинально меняется.

В начале XIX в. удмурты еще пытались отстаивать свои права, в том числе дарованное им право на кумышковарение для личного употребления. Они писали царю коллективные жалобы на винных откупщиков, которые многократно делали попытки законодательно запретить удмуртам кумышковарение, чтобы расширить рынок сбыта своей продукции. Правительство, несмотря на очевидную экономическую выгоду такого запрета, взвешенно подходило к разрешению этих противоречий, в определенной мере учитывая значение предоставленных инородческому населению в прежние времена прав. Это видно, в частности, из указа императора Александра I от 6 февраля 1803 г. о курении кумышки удмуртами Вятской губернии, который являет яркий пример соблюдения этнокультурных интересов инородческого населения.

В правовом отношении Российская империя в XIX в. представляла собой самое настоящее «лоскутное одеяло». Наряду с Королевством Польским и Великим княжеством Финляндским, имевшими свое автономное законодательство, фактически выпадали из общего правового пространства территории многочисленных самоуправлявшихся казачьих войск — башкиро-мещеряцкого, донского, кубанского, терского, астраханского, оренбургского, уральского, сибирского, семиреченского, енисейского, забайкальского, уссурийского, амурского. Практически всё коренное население Сибири с 1822 г. управлялось на основе Устава об управлении инородцев инородческими управами. Законодательство Российской империи функционировало там зачастую лишь номинально, так же, как и среди основной массы русского крестьянского населения страны. Вплоть до самой Крестьянской реформы она находилась в помещичьей юрисдикции, а после 1861 г. еще долгое время предпочитала решать все вопросы посредством обычного права, избегая обращения в официальные инстанции.

Точно таким же образом дело обстояло и с удмуртами. Внутреннее пространство удмуртского этноса практически полностью регулировалось нормами обычного права. Свидетельством этому служит крайне малое количество судебных дел, в которых фигурируют удмурты. В конфликтах с представителями других народов удмурты сознательно шли на уступки и старались замять любой конфликт через материальную компенсацию, в чем субсидиарно могла принять участие вся община. Все это нашло отражение в конформистских чертах удмуртской психологии, направленной не на нейтрализацию внешнего воздействия, а на пассивную адаптацию к изменяющимся условиям [8, с. 208]. Очевидно, именно в первой половине XIX в. возникает широко известная удмуртская поговорка, отражающая общие этнические настроения смирения и фатальной обреченности: «Бигер — кион, зуч — гондыр, удмурт — сяла гине» («татарин — волк, русский — медведь, удмурт — всего лишь рябчик»).

Удмурты словно бы выпали на несколько десятилетий из общего российского правового пространства, которое и без того было рыхлым и аморфным, создавая многочисленные возможности для злоупотреблений.

Несколько лет проработавший в Вятской губернии Александр Иванович Герцен так описывал лично увиденные факты в своей книге «Былое и думы»:

«Настоящий клад для земской полиции — это вотяки, мордва, чуваши... Исправники дают двойной окуп губернаторам за назначение их в уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками. Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь... Является староста поклониться с миром. А тот все меряет и записывает. Он его просит не обмерить, не обидеть. Землемер требует двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собирают деньги — и землемер едет до следующей вотской деревни. Попадется ли мертвое тело исправнику с становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням, и в каждой говорят, что сейчас подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются» [3, с. 263–264].

В значительной мере правовой статус удмуртов ущемлялся постоянным вмешательством государства в вопросы их религиозной жизни и непрекращавшейся тенденцией к насильственной христианизации и контролю даже за новокрещенными удмуртами. Тот же Герцен отмечает:

«Года через два-три исправник или становой отправляются с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему нет. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы; а главное, поп и исправник ищут какое-нибудь доказательство, что вотяки не оставили своих прежних обрядов. Тут духовный сыщик и земский миссионер подымают бурю, берут огромный окуп, делают «черная дня», потом уезжают, оставляя все по-старому, чтоб иметь случай через год-другой снова поехать с розгами и крестом» [3, с. 265].

Система правоохранительных органов, включая суд, в первой половине XIX в. отличалась институциональной сложностью и процессуальной запутанностью. На разрешение, а затем и исполнение судебного дела нередко уходили десятилетия [1, с. 83].

Удмурты на протяжении XIX в. настолько ушли в тень, что практически не фигурируют в государственных актах того периода. Социально-политическая пассивность все более охватывала удмуртское общество, которое в значительной мере осталось в стороне от крестьянских волнений и в период картофельных бунтов, и в период крестьянской реформы. Выработка коллективных решений была возможной благодаря наличию общинного органа самоуправления — *кенеша*, при участии которого «создавалась как бы подпольная общественная жизнь вотяков, слегка с внешней стороны прикрытая законом» [8, с. 209].

Проявления многоаспектного этнокультурного изоляционизма регулярно фиксировали православные миссионеры, пытавшиеся аккуратно воздействовать на религиозные чувства удмуртов посредством известной системы Ильминского [7]. Многие удмурты были склонны видеть истинную справедливость лишь в «удмуртском» язычестве, опасаясь, что в «русском» православии произвол ждет их даже на входе в Царствие небесное: «А пустят ли нас русские в рай-то?» [2, с. 101].

Совершенно неудивительно, что именно на этом фоне знаменитое Мултанское дело 1892–1996 гг. пошло по известному сценарию. Представители полиции и прокуратуры выбрали наиболее легкий, на их взгляд, путь — «раскрыть» это уголовное дело, обвинив в человеческом жертвоприношении удмуртов ближайшего села Старый Мултан. Они были настолько уверены в успешном результате, что изначально даже не позаботились о достоверных и достаточных доказательствах. Лишь когда подключившийся в самый последний момент адвокат почти смирившихся со своей участью мултанцев М. И. Дрягин стал указывать на многочисленные процессуальные нестыковки и нарушения, со стороны следствия началась открытая фальсификация доказательственной базы.

После двух отмен Кассационным департаментом Правительствующего Сената обвинительных приговоров на третьем судебном процессе в 1896 г. мултанские удмурты были оправданы. По тем временам это было неслыханное дело, чтобы государственное обвинение проиграло уголовный процесс по обвинению инородцев: это был, по сути, прецедент.

Резонанс этого дела, за которым пристально наблюдали многие видные общественные деятели, был настолько мощным, что его можно считать точкой отсчета формирования нового правового пространства Российского государства, в котором уже не было деления на великороссов и инородцев, на граждан первого и второго сорта, в котором правоприменительная практика стала все в большей степени соответствовать букве и духу закона [6].

Вопреки мнению авторов, называющих Мултанское дело «позорным», «черным» и т. п., надо признать, что в ходе этого процесса, через муки и мытарства мултанских удмуртов (один из них даже скончался, будучи под арестом), благодаря вспыхнувшему общественному движению, до общегражданского уровня приподнялся статус практически всех так называемых инородцев, и этот процесс статусного выравнивания народов России завершился уже вскоре — в октябре 1905 г.

Российская империя до Манифеста 17 октября и после — это два существенно отличных государства. После 1905 г. она уже отнюдь не была пресловутой «тюрьмой народов». Тем не менее большевики активно развивали этот тезис, а также тезис о «народе-угнетателе» и «народах угнетаемых» и искали союзников в коллективном лице различных этносов России, в том числе и удмуртов. Ленинские работы «Критические отметки по национальному вопросу» и «О праве наций на самоопределение» в немалой степени добавили масла в огонь активизировавшихся национальных движений.

Стремясь разжечь огонь мировой революции, большевики после Октябрьской революции 1917 г. стали создавать национальные автономии, и первой из них еще в 1918 г. стала Трудовая коммуна немцев Поволжья. По задумке, это должно было мотивировать немецких и австрийских рабочих к социалистической революции. Скорее всего, точно так же создание автономий финно-угорских народов, в том числе Вотской автономной области в ноябре 1920 г., должно было вдохновить венгерских, финских и эстонских социал-демократов на новый виток классовой борьбы, революции и гражданские войны в своих странах.

Подводя некоторые итоги краткому историческому экскурсу, нужно отметить, что правовой статус удмуртов в составе Российского государства неоднократно претерпевал существенные изменения и колебался в довольно широком диапазоне. На примере удмуртов хорошо видно, как порой существенно различался правовой статус инородцев *de jure* и *de facto*, когда целый народ мог на целое столетие «уйти в себя» и даже выпасть из общего правового пространства страны. Знаменитое Мултанское дело не только способствовало возвращению удмуртов в общероссийский формат, но и стало своего рода цивилизационным индикатором начала формирования принципиально нового правового пространства Российской империи. Наконец, обретение удмуртским народом своей государственности не просто закрепило их правовое равенство с другими народами России, но и создало условия для полноценного нациестроительства во всех его конституционно-правовых, социально-экономических и этнокультурных аспектах.

Список литературы

1. Бехтерев С. Л., Богданова Е. П. Судебно-исполнительные учреждения Удмуртского Прикамья в XVIII – первой половине XIX в.: историко-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер. 2: Экономика и право. 2017. Т. 27. № 4. С. 78–85.
2. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 116–163.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. — Ижевск: Удмуртия, 1994. — 168 с.
5. Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2 томах. Т. 1. Документы и материалы. 1136–1917. — Ижевск, 2007. — 816 с.
6. Шепталин А. А. Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 225–262.
7. Шепталин А. А. Этнополитическое развитие удмуртов в 19 – начале 20 вв. // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: сборник документов / под ред. К. Мацузато. — Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002. — P. 151–184.
8. Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. — 300 с.